

Курьёзы из прошлого

М. В. Васильев

Инцидент в Грибулях (1913 г.)

Празднованию 300-летия Дома Романовых в 1913 г. в России была придана особая торжественность, оно приняло широкий размах и привлекло огромные массы народа. Во всех городах, селах и весях империи проводились благодарственные молебны, литургии, крестные ходы, парады и балы, в рамках торжеств объявлялось о льготах малоимущим и амнистировании из тюрем заключенных, снимались задолженности с мелких предпринимателей и землевладельцев. В смете расходов учитывалось бесплатное угощение для народа и выдача из государственной казны пособий малоимущим. Заседание Городских Дум проводилось с приглашением местных оркестров и раздачей шампанского для «провозглашения тоста о здравии государя императора». Наиболее популярной постановкой в театрах была опера М. И. Глинки «Жизнь за царя»¹. Пик торжеств пришелся на 20–21 февраля: именно в эти дни 300 лет назад, в 1613 г. всенародный Земский Собор призвал на царство Михаила Романова. За высокое качество проведенных праздничных мероприятий и демонстрацию верноподданнических чувств граждан, псковский губернатор Н. Н. Медем уже 21 февраля 1913 г. получил ответную телеграмму от Николая II со словами благодарности населению губернии². Но торжественные мероприятия продолжались в разных местах губернии до конца года, а в силу приданной им значимости находились под личным контролем губернатора и министра Внутренних Дел. Для чиновников любого уровня вопрос безукоризненного проведения празднований являлся своеобразным экзаменом на профессиональную пригодность, от которого во многом зависели их дальнейшая судьба и

перспективы карьерного роста. Но несмотря на столь пристальное личное внимание самого губернатора к проводимым мероприятиям, местные чиновники порой допускали различного рода ошибки, иногда приводящие к фатальным последствиям.

Так, 12 ноября 1913 г. псковский губернатор в письме министру Внутренних Дел докладывал, что на открытии памятника Александру II, сооруженного на средства крестьян и возведенного в честь 300-летия царствования Дома Романовых в селе Грибули Островского уезда, была произведена стрельба из старинной пушки, принадлежащей одному из местных купцов. В результате второго выстрела пушку разорвало и осколками ранило несколько человек: четверых — тяжело и 14 — легко. Один из пострадавших был стражником, все остальные — крестьяне. Далее указывалось, что по произошедшему инциденту ведется следствие, о результатах которого предстояло доложить позже. Для проведения расследования обстоятельств произошедшего из Пскова был направлен старший советник губернского Правления. Пока упомянутый советник выяснял суть произошедшего и общался с очевидцами и потерпевшими, губернская газета «Псковский голос» 13 ноября опубликовала небольшую заметку, ярко и эмоционально раскрывающую «факты» произошедшего, в которой указывалось следующее: 10 ноября в селе Грибули, на площади у здания волостного правления, происходило открытие памятника Александру II, и во время торжественного молебна при огромном стечении народа был дан выстрел из пушки. Пушка взорвалась, и осколками, «летевшими в разные стороны, убило 3-х крестьян, одного стражника, ра-

нило 17 человек легко, семь тяжело, одному мальчику раздробило череп, выпали мозги, кому оторвало ногу, у кого повреждены нос, плечо, лицо. Заместителю начальника Алексееву осколками чугуна ударило в голову — рана не опасна. Женщине сломало руку, один стражник оглушенный лежал на земле около двух часов без чувств. Народу на открытие прибыло до тысячи человек. Был устроен на всех обед»³.

Материалы газетной заметки, следующей цель заинтриговать читателя и вызвать волну эмоций и интереса, в значительной мере не соответствовали реалиям произошедшего и подпортили репутацию островским чиновникам, и без того находившимся в неприятном положении. В связи с этим уже на следующий день островский уездный исправник направил рапорт губернатору с просьбой обязать редакцию газеты опубликовать опровержение. К рапорту прилагался специально заготовленный исправником текст опровержения: «В № 256 газеты «Псковский голос» напечатана корреспонденция из Грибулей, далеко отступающая от истины. Дело было так: при открытии памятника был произведен удачный выстрел из небольшой пушки, начался торжественный молебен, и в начале такового совершенно неожиданно и без разрешения распорядителей раздался выстрел, от которого и разорвалась пушка, своими осколками причинив повреждение 18 лицам. 4-м тяжёлые, в том числе стражнику Василию Федорову и крестьянину Семену Петрову раздробило нос и 14 лицам легкие ссадины и царапины. Первые двое находятся в Островской земской больнице. Убитых на месте никого не было, точно так же не было лиц с оторванными руками, ногами и т. п. Земский начальник Алексеев несколько не пострадал ..., лежащего на земле два часа стражника не было»⁴.

В рапорте островского уездного исправника, как и в газетной заметке, многие моменты оставались не раскрытыми, например: откуда взялась разорвавшаяся пушка, кто руководил стрельбой, и почему стреляли из орудия во время торжественного молебна? На ряд вопросов проливает свет рапорт, составленный на имя губернатора 14 ноября 1913 г. советником губернского правления,

проводившим расследование. В процессе его выяснилось, что первоначально в рамках запланированных мероприятий стрельба из пушки не предполагалась. Но непосредственно в день намеченных мероприятий (10 ноября) местный торговец и бывший церковный староста погоста Новая Уситва Василий Попов обратился к Земскому начальнику Шатилову с предложением произвести во время церемонии выстрел из пушки. Далее в материалах следствия показания участников произошедшего события расходились. Попов утверждал, что начальник на производство выстрела сразу охотно согласился, в то время как Шатилов настаивал на том, что первоначально он интересовался, что это за пушка, и получил ответ от Попова: «пушка надежная, из нее в Христов день палят». Далее, как следует из слов Шатилова, он обратился к Островскому уездному предводителю дворянства Спиридову за разрешением провести салют, и только получив такое, приказал Попову доставить пушку к своему дому, подальше от толпы для проведения испытательных стрельб. Испытание пушки, по данным земского начальника, проводили исправник Соболевский и становые приставы Прокофьев и Векшинский. Сам же исправник Соболевский во время общения со следователем дал несколько иные показания по этому эпизоду. По его словам, прибыв 10 ноября в деревню Грибули, он узнал от земского начальника Шатилова, что в момент падения занавеса с памятника предполагается произвести выстрел из пушки. Причем, Шатилов заявил ему, что пушка «надежная и человек к ней приставлен опытный». На что Соболевский скептически спросил Шатилова: «охота ли Вам это делать?», и получил утвердительный ответ — «не из картечи же палить будем!». После чего Соболевский направился к дому Попова, где стояла пушка, но не успел подойти, как раздался выстрел. Поняв, что это была репетиция палубы, Соболевский дождался установки пушки на месте проведения мероприятий — в 12-ти сажнях от памятника — и бегло осмотрел ее «как не специалист в артиллерийском деле»⁵.

Островский предводитель дворянства Спиридов указывал, что поручал именно исправнику и Шатилову осмотреть орудие, при-

чем, оба они, вернувшись с осмотра пушки, засвидетельствовали ее хорошее состояние. Во время проведения торжества открытия памятника первый выстрел из орудия был совершен, как и планировалось, в момент падения завесы по команде земского начальника Шагилова. Второй же выстрел, имевший роковые последствия, был произведен хозяином пушки Поповым без разрешения и совершенно невпопад во время проведения молебна. Сам же Попов показал, что в зарядке пушки личного участия не принимал, а предоставил это право кузнецу из деревни Сафонинково Грибулевской волости Михаилу Онуфриеву и крестьянину деревни Хохлы Егору Тимофееву. Крестьянин же Тимофеев это категорически отрицал. Показания последнего были подтверждены стражником III-го пехотного отряда Александром Никандровым, стоявшим рядом с пушкой и отметившим, что лично видел, как Попов сыпал порох из бумажного кулька, Онуфриев забивал пыжи, а Егор Тимофеев держал фитиль. Кузнеца следователю допросить не удалось, так как тот после случившегося инцидента сразу уехал в Псков. В рапорте также отмечалось, что народная молва упорно настаивала на том, что Попов сыпал в пушку двойной заряд пороха, но каким либо образом доказать это не удалось. Косвенно эту версию подтверждали показания священника о. Михаила Рясенского, который показал, что за шесть лет до этих событий в Пасхальную заутреню, бывший в то время церковным старостой Василий Попов стрелял с церковной ограды из

другой пушки, которую так же на месте разорвало. В тот момент Попов советовал окружающим, что в этом деле самое главное «не надо жалеть пороха». Сам же Попов во время общения со следователем не отрицал факта взрыва прошлой пушки, и то, что купил взамен ее новое орудие у купца Карузина в Новоржеве за 8–10 рублей⁶.

Говоря о количестве пострадавших в случившемся инциденте, необходимо отметить, что от полученных травм уже в больнице скончались два крестьянских подростка — ученики местной школы, так как разрушительная сила выстрела была направлена именно в то место, где стояли учащиеся. Безответственное и попустительское отношение местных чиновников, отвечавших за проведение мероприятия, и разрушительный энтузиазм хозяина пушки стали истинными причинами произошедшего инцидента. Хотя сам факт использования двойного заряда, повлекшего разрыв орудия, доказать так и не удалось, в результате чего все произошедшее было списано на трагическое стечение обстоятельств и в условиях повышенного внимания со стороны руководства, дело было в спешности закрыто. В очередном донесении псковского губернатора министру Внутренних Дел отмечалось, что стрельба производилась по инициативе местных жителей, «охваченных высоко патриотичными чувствами», а взрыв пушки произошел «по вине ее владельца, сильно подозреваемого в употреблении от излишнего усердия к своим обязанностям двойного заряда пороха»⁷.

Примечания:

- 1 ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2988. Л. 882 об., 883.
- 2 Там же. Д. 2988. Л. 869.
- 3 ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3078. Л. 2–3.
- 4 Там же. Д. 3078. Л. 7–7 об.
- 5 Там же. Д. 3078. Л. 11 об.
- 6 Там же. Д. 3078. Л. 12 об.–13.
- 7 Там же. Д. 3078. Л. 14–14 об.